

Глава 16. Этот непослушный волчонок.

Е Байлан нес Ци Цзю на спине, возвращаясь домой.

Обманщик на его плечах, казалось, чувствовал себя вполне уютно: он лениво приник к Байлану, напевая под нос какой-то нехитрый мотив.

Байлан послушался, и невероятно дорогое инвалидное кресло так и осталось брошенным в саду. Снег и не думал стихать — за то короткое время, что потребовалось, чтобы подняться наверх, колеса уже наполовину скрылись под белым покровом.

Ци Цзю стало жаль хорошую вещь, и он напомнил волчонку:

— Позже не забудь затащить его в дом.

Е Байлан отставил костыли и, припадая на одну ногу, осторожно переложил Ци Цзю на кровать. Он принялся хлопотать вокруг него: менял одежду, прикладывал грелки с горячей солью, поил согревающим травяным отваром.

На этот раз он не проявил ожидаемой покорности. Стоило Ци Цзю попытаться спровадить его, как Байлан отставил в сторону чашку с горьким снадобьем и упрямо уткнулся лбом в сгиб его локтя.

Видя, как волчонок включил режим «страуса», Ци Цзю хотел было рассмеяться, но в груди лишь отозвалось глухим, слабым кашлем.

— Ладно, ладно, не уходи... — выдохнул он. — Можешь вообще привязать меня к себе веревкой.

«Пусть там и стоит». Жилой комплекс Байлана был элитным, случайных людей здесь не бывало. Охрана или патрульные заметят кресло и свяжутся с владельцем — учитывая, сколько медицинского оборудования Байлан перетаскал в квартиру, все сотрудники наверняка знали, чье это.

Байлан, понимая, что у мужчины совсем нет сил, скинул тапочки и забрался на кровать. Он перехватил ладонь Ци Цзю, прижавшись щекой к его ладони.

Довольный такой догадливостью, Ци Цзю шевельнул пальцами, коснувшись выступающей скулы Байлана.

— И что нам теперь нужно делать? — спросил он.

— Есть, — глухо отозвался Байлан, словно заученный урок. — Много есть. Чтобы мясоросло. Чтобы трогать было приятно.

Он и правда изо всех сил старался питаться лучше. Байлан сжал руку Ци Цзю, предлагая тому убедиться самому:

— Брат, меня уже приятно трогать.

Система, не отрывавшаяся от монитора ноутбука, лишь скептически хмыкнула:

[Тск.]

Ци Цзю: «...»

Он в очередной раз подумал, что эти курсы повышения квалификации пошли Системе только во вред.

Ци Цзю заставлял Байлана восстанавливать силы и следить за питанием лишь ради того, чтобы «Золотой палец» здоровья прижился как можно успешнее. Пока что всё шло неплохо: базовые показатели состояния Е Байлана медленно, но верно ползли вверх.

Ци Цзю планировал через пару дней обсудить с Системой, как ему в нынешнем состоянии ухитриться и что-нибудь написать.

У него была одна рукопись, начатая давным-давно. Он хотел оставить её Байлану как руководство по укреплению духа и тела. В свое время он писал её в дикой спешке, успев закончить больше половины, пока череда несчастных случаев не прервала работу.

Если выпадет шанс, он бы очень хотел дописать финал, чтобы довести выполнение задачи до идеальных ста процентов... А если повезет еще больше — оставить Байлану несколько напутствий.

Слов, которые Байлану, скорее всего, не понравятся, но которые рано или поздно всё равно придется сказать.

Нынешний волчонок стал больно самостоятельным: чуть услышит что-то не по нраву — сразу прячет голову, изображая страуса.

Ци Цзю не удержался от смешка и, отбросив лишние мысли, согнул пальцы, прощупывая

выпирающие ребра юноши.

— Маловато. Надо есть за двоих.

У Е Байлана совсем не было аппетита, и эта задача казалась ему непосильной. Он невольно нахмурился, но всё же кивнул:

— М-м.

— Скоро Новый год, — внезапно осенило Ци Цзю. — С завтрашнего дня начнем учиться лепить пельмени.

Байлан и правда этого не умел. Он бережно переложил обследованную руку Ци Цзю на теплую соляную подушку и поправил подол своей домашней одежды.

— Зачем нам пельмени?

— Как зачем? Будем есть их вместе, — развеселился Ци Цзю. — Дом, красные конверты и пельмени.

Три незыблемых столпа праздника.

Байлан замер. Он вперил взгляд своих темных глаз в Ци Цзю, медленно моргая длинными ресницами. Ему потребовалось время, чтобы осознать смысл сказанного, и когда его вечная угрюмая отстраненность чуть рассеялась, он крепче обхватил руку мужчины.

Ци Цзю уже привык к тому, что его рука постоянно служит опорой для этого «человеческого приложения»:

— Обрадовался?

Кончики ушей Байлана покраснели, на бледных щеках проступил едва заметный румянец. Он по-прежнему хранил молчание, лишь задрал голову и не отрывая взгляда от лица Ци Цзю.

Сердце Ци Цзю дрогнуло под этим взглядом. «В последний раз», — пообещал он себе.

— Иди переодейся.

Ци Цзю решил окончательно разбаловать Байлана, предлагая средь бела дня предаться лени:

— Спи со мной.

Байлан забыл про костыли. Он бросился выполнять просьбу, спотыкаясь и едва не падая, даже головой о дверь ударился.

Пока Ци Цзю дремал, прислонившись к подушкам и пытаясь досмотреть в памяти материалы для будущей рукописи, волчонок уже вернулся. Он не просто переоделся в пижаму, но и успел принять обжигающий душ.

Обжигающий — потому что от него буквально валил пар; когда Байлан нырнул под одеяло к Ци Цзю, от его лба еще поднималась легкая дымка.

— Не слишком горячо? — удивился Ци Цзю, открыв глаза. — Не ошпарился?

Байлан качнул головой. После душа он тщательно высушил волосы — теперь он был чистым и теплым, готовым служить живой грелкой.

Тело Ци Цзю никак не желало согреваться. Какие бы способы он ни пробовал, холод не отступал. Но это было неважно: теперь Байлан передаст ему свое тепло. Они согреются вместе, а потом — вместе остынут.

— Брат, — прошептал Байлан. — До каких пор мы будем спать?

Хороший вопрос.

Ци Цзю и сам не знал, сколько времени ему потребуется на возвращение после того, как его в очередной раз выбросит из этого мира.

— Будем спать, пока... не выспимся?

Байлан послушно кивнул. Он укутал их обоих одеялом и осторожно коснулся век Ци Цзю — с предельной, почти боязливой нежностью. Раньше Байлан не умел соизмерять силу: он не понимал, где грань между мягкостью и грубостью, и в делах поступал так же — либо перегибал палку, либо ранил и себя, и других.

Теперь всё изменилось. Байлан помог Ци Цзю закрыть глаза, прикрыв их своей ладонью. Он много раз мыл руки в горячей воде с целебными травами, и теперь его ладони были теплыми и чистыми. Он подметил все привычки Ци Цзю и старательно копировал их одну за другой, учась заботиться о нем:

— Брат, спи.

В ту же секунду энергия Ци Цзю иссякла, и его выбросило в буферное пространство.

Система предложила ему семечки, но Ци Цзю лишь поблагодарил и отказался, подтянув к себе экран монитора.

Е Байлан всё еще прикрывал глаза «Ци Цзю», словно не заметив перемены. А может, и заметил, но, как и говорила Система, он уже привык. Привык к тому, что Ци Цзю может провалиться в глубокий сон в любую секунду.

Врачи говорили, что по мере развития болезни такие приступы будут случаться всё чаще. Время сна будет расти, а периоды бодрствования — сокращаться. Каждый врач, к которому обращался Байлан, твердил одно и то же.

Байлан сохранял эту позу несколько минут. Прошло столько времени, что Ци Цзю уже начал беспокоиться и хотел было запустить в экран скомканной Системой, как вдруг картинка изменилась: Байлан медленно убрал руку.

Он обнял тело Ци Цзю, зажмурился и уткнулся лицом в его плечо, уложив неподвижную руку мужчины себе на спину. Так, прячась в его объятиях, он пролежал еще несколько минут, пока его плечи не начали мелко подрагивать.

Цена за самовольный выход из режима энергосбережения оказалась высокой.

Следующие три дня Система, как ни старалась, не могла вернуть Ци Цзю обратно в его тело. К счастью, Е Байлан не совершил ничего непоправимого: не потащил его в реанимацию, не звал сомнительных мастеров цигун и не впал в буйство.

Байлан выглядел на удивление спокойным и собранным. Он даже выходил из дома, чтобы забрать кресло, которое вернули сотрудники охраны. Он знал, что Ци Цзю просто очень устал. Брат ведь сказал, что будет спать, пока не выспится.

Если сам Байлан проспал тринадцать часов, то Ци Цзю, чье тело так слабо, но который из последних сил старался подбадривать его, наверняка проспит гораздо дольше. Байлан совершенно спокойно объяснял это врачам.

Он понимал их: результаты обследований твердили, что Ци Цзю больше не очнется, так как энцефалограмма не показывала четких ритмов... Любой специалист пришел бы к такому выводу.

Но на кровати лежал не «любой пациент». Это был его Ци Цзю. Его собственный обманщик. А его обманщик никогда не лгал ему.

Врачи лишь тягостно вздыхали. Их наняли следить за состоянием больного, и они не имели права вмешиваться в решения нанимателя.

— Хорошо, но всё же...

Они хотели напомнить Байлану, что лучше подготовиться к худшему: опухоль в мозгу пациента находилась слишком близко к артерии, и в любой момент мог случиться кризис.

Не успели они договорить, как произошедшее заставило их вздрогнуть. В спальне истошно зазвонил колокольчик вызова. Е Байлан вскочил, бросив врачей, подхватил костыль и ринулся в комнату. Он даже забыл, как им пользоваться, и буквально влетел в дверной проем, едва не упав.

Ци Цзю, опутанный трубками кислородного концентратора, выглядел еще бледнее прежнего. Он полулежал на подушках и слабо махал рукой, приветствуя всех с самым беззаботным видом.

Врачи в полном замешательстве покинули дом. Байлан, наученный Ци Цзю, не стал никого притеснять и даже вежливо поблагодарил их на прощание. Учитывая, что еще недавно глава семьи Е предпочитал выпроваживать гостей с помощью телохранителей и мешков на голову, прогресс был налицо.

[Результаты превосходные,] — Система проводила переоценку уровня внедрения «Золотого пальца». Казалось, они вот-вот получают бонусы по всем статьям. — [Чему еще ты планируешь его научить?]

— Крошить начинку, — отозвался Ци Цзю.

Система: [...Погоди, что?]

Ци Цзю и сам чувствовал себя немного странно. Он то и дело прикладывался к кислородной маске, делая жадные глотки воздуха, и периодически отдавал команды, ориентируясь на стук ножа по разделочной доске.

Нынешний «вежливый» волчонок взял его в оборот, требуя подробных инструкций: как замешивать тесто, как рубить мясо... и как, в конце концов, лепить эти пельмени.

Ци Цзю проспал слишком долго. Они договорились начать тренировки сразу, как он проснется, но в итоге три дня были потеряны впустую. Байлан был полон решимости научиться всему до двадцать седьмого числа двенадцатого лунного месяца.

[Какая целеустремленность,] — похвалила Система. — [А какое сегодня число?]

— Двадцать седьмое, — ответил Ци Цзю.

Система: [...]

Задача становилась практически невыполнимой, учитывая, что до сих пор познания Байлана ограничивались правилом: «если жидко — добавь муки, если густо — добавь воды».

[Это не Золотой палец, это просто пельмени,] — Система долго изучала вопрос, но вывод остался прежним. — [Это не так уж важно для миссии.]

Но судя по поведению Байлана и Ци Цзю, это было важнее всего на свете. Байлан был готов расшибиться в лепешку, лишь бы Ци Цзю съел на праздник тысячу пельменей его собственного изготовления. А сам Ци Цзю... он витал в облаках.

Это было на него не похоже. В отделе доставки «Золотых пальцев» он считался одним из лучших сотрудников. Если бы не его природная лень и привычка делать всё по-своему, он мог бы вечно удерживать звание лучшего работника года.

Но сейчас Ци Цзю действительно был рассеян. Он откинулся на подушки, слушая, как в коридоре Байлан с воодушевлением рубит фарш, и думал совсем о другом.

«О чем ты думаешь?» — Система просканировала его состояние. — «Ты ведь уже почти ничего не видишь?»

— Почти, — Ци Цзю медленно потянулся. — Если бы я включил синхронизацию боли, я бы сейчас корчился в муках.

...Вряд ли бы он смог проглотить хоть один пельмень.

Система выделила ему горсть семечек. Ци Цзю принимался чистить их одну за другой, складывая очищенные ядра в аккуратную кучку.

— Я вот думаю, — он поворошил пальцем свои запасы. — Не допустил ли я... ошибку в методах обучения?

Система пришла в ужас:

[Какую ошибку? Это повлияет на наши комиссионные?]

— Вполне возможно, — Ци Цзю открыл мониторинг, наблюдая за Байланом. — Нам нужно поторапливаться с тем планом.

Они с Системой перебрали кучу вариантов и в каждом нашли изъян. Оставить аудиозапись? Волчонок не давал ему ни минуты покоя, чтобы записать её в одиночестве. Отправить письмо под видом врача? Байлан врачам не слишком-то доверял.

В итоге Ци Цзю решил писать сам — на ощупь, используя линейку как ориентир. Пока руки окончательно не отказали, он должен был оставить Байлану подробный план восстановления здоровья.

...И если останутся силы, написать еще одно письмо.

— Я научил его всему, что нужно, — сказал Ци Цзю. — Чтобы лепить и варить, ему придется идти на кухню.

Байлан не мог вечно быть привязанным к нему. Рубить фарш прямо у дверей спальни еще куда ни шло, но для остального придется покинуть комнату. У Ци Цзю было совсем мало времени, нельзя было упускать этот шанс.

Система помогла ему перераспределить остатки сил. Как только начинка, одобренная Ци Цзю, была готова и Байлан, подхватив миску с фаршем, умчался на кухню, они приступили к делу.

Ци Цзю снял с себя датчики мониторинга и медленно перебрался в кресло. Одно это действие сожрало уйму энергии: его несколько раз выбрасывало из системы, и потребовалось почти десять минут, чтобы он наконец смог подкатить кресло к письменному столу.

Тишину то и дело нарушали посторонние звуки, но, к счастью, пришло время фейерверков. В ночном небе за окном то и дело расцветали огненные цветы, чей грохот надежно скрывал любые шорохи в комнате.

Ци Цзю выдвинул ящик стола, нашел неоконченную рукопись и, прижав к бумаге линейку, принялся медленно выводить иероглиф за иероглифом. Система ненадолго заглянула на кухню, посмотреть, как Байлан возится с тестом, и вернулась, наблюдая, как Ци Цзю старательно выводит каждую черту.

— Ну как? — Ци Цзю размял затекшую кисть.

Система, вооружившись виртуальным биноклем, дала высокую оценку:

[Можно разобрать.]

Ци Цзю: «...»

Он мысленно отправил скомканную Систему в мусорную корзину и, собрав волю в кулак,

крепче сжал ручку. Он дописывал последние инструкции по укреплению тела и исцелению души. Зная характер своего волчонка, он включил в план несколько особых, персонализированных пунктов.

«...Например: запрещено не спать. Как бы горько ни было — ты обязан спать. Даже если совсем неможешь и сон не идет — не смей прятаться в шкафу. В крайнем случае, возьми пару моих вещей и укройся ими».

«...Или: если болит голова, можно принять лекарство, не надо просто терпеть. А как принимать таблетки правильно — это решается в больнице, там всё объяснят».

«...Нужно доверять врачам, они дело говорят. То, что я каждый раз просыпаюсь — это исключительный случай, всё благодаря моей стальной воле...»

На этом моменте Ци Цзю засомневался. Такие слова могли натолкнуть волчонка на ложный путь: вдруг он решит тренировать собственную «стальную волю» через боль и бессонницу?

Ци Цзю скомкал лист, швырнул его в корзину и взял новый. Было еще кое-что, о чем он не мог не написать. Он никак не мог оставить этого волчонка без присмотра.

Иногда... излишнее хладнокровие оборачивается бедой. Если бы не вмешательство Системы, неужели Байлан так и жил бы — спокойно и безучастно храня верность тому, кто никогда не проснется?

Ци Цзю решил добавить в письмо пару резких слов, чтобы напугать Байлана — на случай, если тот снова вздумает забиться в свой тупик и начать накручивать себя.

Система поддержала:

[Правильно, припугни его как следует.]

В конце концов, волчонок, которого вырастил Ци Цзю, уже давно не был обычным парнем. Это был человек, буквально напичканный «Золотыми пальцами», от которого напрямую зависели их бонусы. Если смерть Ци Цзю станет для Байлана слишком сильным ударом и он натворит дел, все их труды пойдут прахом.

Ци Цзю сменил лист и отправил назойливую Систему на её курсы.

Такие слова всегда даются с трудом.

«Мертвых не вернуть, живые должны посвятить свои жизни великим делам...» — Байлан такое и слушать не станет. В корзину.

«После смерти нужно сорок девять дней жечь благовония, сорок девять месяцев приносить дары и сорок девять лет ухаживать за могилой...» — попахивает суеверием. В корзину.

«На самом деле у него всегда была мечта — иметь огромное лесное хозяйство в далеких горах. Чтобы каждую весну кто-то обходил его дозором и подкармливал стаю волков...»

Если бы он посмел приписать Вэнь Чжаню такую черту, Бюро перемещений в книги прислало бы инспектора по канону, чтобы тот стер его в порошок за ООС.

Ци Цзю долго взвешивал каждое слово, и в итоге корзина пополнилась еще несколькими клочками бумаги. Голова начала побаливать, он устало вздохнул и размял затекшую правую руку. На сегодня хватит. Может, Система притащит со своих курсов какую-нибудь умную мысль или красивую цитату.

Это тело было на пределе: рука дрожала так сильно, что он едва удерживал ручку. Если продолжать, на бумаге останутся лишь неразборчивые каракули.

Ци Цзю захотелось немного передохнуть и сходить на кухню.

Он прошел этот путь вместе с Байланом, зима перевалила за экватор, и вот уже на пороге Новый год. Праздник в этом году ранний, а там и до весны рукой подать.

Весна, лето, осень, зима... Он ведь еще даже не успел поносить все те вещи, что купил ему Байлан.

Ци Цзю замер, глядя на взлетающие в небо огни фейерверков. Там, за окном, кипела жизнь. Он позволил себе недолгую слабость, а затем, упершись руками в подлокотники, выпрямился.

Он медленно развернул кресло. Поскольку путь из спальни стал для него слишком сложным, он связался с Системой и вывел на экран экономную панель мониторинга. Энергию тела приходилось рассчитывать до мельчайших крупниц. Ци Цзю решил использовать каждую возможность, чтобы еще раз запомнить расположение вещей в комнате.

Тьма перед глазами начала обретать краски. Ци Цзю направил кресло в обход аппарата ИВЛ и вдруг замер.

...Е Байлан не варил пельмени.

Этот волчонок... Слушался десять тысяч раз, и именно сейчас решил проявить характер. Вместо того чтобы стоять у плиты, он втихаря прокрался в спальню и теперь сидел на полу, изображая мусорное ведро.

— Ты что натворил?! — Система вышла на связь, голос её дрожал от паники. — Состояние Е Байлана критическое! Быстро обними его, поцелуй, сделай хоть что-нибудь!

У Ци Цзю не было сил, чтобы обнять его. Даже не чувствуя боли, он понимал, что его телу сейчас приходится несладко. Он едва держался в кресле, не падая лишь благодаря ремням. Холодный пот лил ручьями, спина окаменела, руки ходили ходуном. Организм бунтовал: слишком долгое сидение за столом оказалось непосильной нагрузкой, и последствия не заставили себя ждать.

Ци Цзю спрятал руки за спину и постарался откатить кресло подальше в тень, чтобы Байлан не заметил его состояния.

Он не мог призвать к порядку этого непослушного волчонка. За то время, что Ци Цзю был занят письмом, Байлан успел прочесть все его черновики.

Он видел, как Ци Цзю на ощупь, подбирая слова, писал ему прощальное письмо.

Лицо Байлана стало почти прозрачным — мертвенно-белым, без единой капли крови. Он сидел на корточках, прижимая к себе контейнер с наспех нарезанным тестом и мясными шариками, и смотрел на Ци Цзю.

Он не шевелился. Словно время для него остановилось навсегда.

<http://bllate.org/book/16113/1589125>